

Святитель Петр, митрополит Киевский, Московский чудотворец

К 700-ЛЕТИЮ ПРЕСТАВЛЕНИЯ

Под 1299 годом Лаврентьевская летопись сообщает: *«Митрополитъ Максимъ, не терпя Татарьского насилья, оставя митрополью и збизжа ис Киева, и весь Киевъ розбежалъся, а митрополитъ иде ко Бряньску и оттоле иде в Суждальскую землю и со всем своимъ житьем»*¹. Другой летописец уточняет: *«А митрополитъ шедъ седе в Володимере и со всемъ клиресомъ своимъ»*². То есть митрополит Максим не просто прибыл на берега Клязьмы, чтобы пересидеть во Владимире очередной набег ордынцев на Киев, а целенаправленно перенес туда свою постоянную резиденцию с существовавшим при ней штатом клириков и чиновников. Судя по всему, бегство митрополита из Киева было вызвано тем, что почти полностью запустевшая после Батыева погрома «Мать городов русских» подверглась новому разорению в ходе ожесточенного противостояния между ордынским ханом Токтой и могущественным ордынским временщиком Ногаем.

Прибыв во Владимир, митрополит Максим перевел епископа Владимирского и Суздальского Симеона на вакантную Ростовскую кафедру, а сам занял его место: *«Максимъ митрополитъ седе въ Володимери на столе, а Семена владыку посади в Ростове»*³. То есть Владимирская епархия была присоединена к митрополичьей области, и Владимир-на-Клязьме стал, таким образом, новым церковным центром Русской митрополии, хотя ее Первопрестольной кафедрой официально продолжала считаться Киевская.

Выбор Владимира-Залесского в качестве новой резиденции Русского митрополита был продиктован прежде всего приверженностью

Православию святого благоверного князя Александра Невского и его преемников в противовес прозападным настроениям Галицко-Волынских князей. На Руси хорошо помнили, как в конце 1253 — начале 1254 года в Дорогичине состоялась коронация Галицкого князя Даниила Романовича королевской короной, присланной ему из Рима Папой Иннокентием IV⁴. В ходе церемонии, которую возглавил папский легат Опизо Маласпина, аббат бенедиктинского монастыря святого Павла в Медзано, Даниил Галицкий признал папу Римского *«своим отцом»*, что означало переход Православной Церкви в Галицко-Волынской Руси в юрисдикцию Рима. Страхуя себя от повторения подобных авантюр, митрополит Максим предпочел найти пристанище не в Западной Руси, а именно во Владимире, тем самым придав ему статус нового церковного центра Руси.

Разумеется, Галицкий князь Юрий I Львович⁵, отличавшийся немалой амбициозностью (подобно своему деду Даниилу Романовичу, он гордо именовал себя «королем Руси»), был недоволен переездом предстоятеля Русской Церкви во Владимир-на-Клязьме, считая, что решение митрополита Максима будет содействовать укреплению авторитета Владимирских князей в ущерб интересам Галицко-Волынского княжества. А между тем князья Северо-Восточной Руси, хотя и погрязли в распрях и усобицах, в целом продолжали следовать линии святого Александра Невского, направленной на поддержание отношений с Ордой, зависимость от которой представляла собой политический курс, в то время безальтернативный. В свою очередь, князья Юго-Западной Руси продолжали

*Святитель
Петр с житием.
Дионисий. Икона
1480-х гг.*

политику Даниила Галицкого, видя своего главного врага в Орде, тогда как монархов западных католических держав считали союзниками в борьбе против монголов.

Разгневанный переездом Киевского митрополита во Владимир «король» Юрий потребовал от Константинополя учредить на подвластных ему землях отдельную Галицкую митрополию⁶. Идя ему навстречу, Константинопольский патриарх Афанасий и византийский император Андроник II Палеолог Старший в 1303 году приняли решение основать митрополию с центром в Галиче и поставить на нее Нифонта⁷. В состав новоучрежденной Галицкой митрополии вошли шесть епархий Русской Церкви, впервые оказавшейся разделенной: Галицкая, Холмская, Перемышльская, Луцкая, Владимиро-Волынская и Туровская⁸, — все они находились на

Печать Ивана
Калиты
(вверху)

Видение великого
князя Ивана
Калиты горы
с тающим снегом.
Икона XVII в. (внизу)

территории, входившей в сферу политического влияния Юрия Львовича, которую в греческих документах того времени впервые начали именовать «Малой Россией».

По поводу мотивов решения патриарха и императора, которые в своей политике руководствовались исключительно политическими интересами угасающей Империи ромеев, но никак не Руси, можно высказать следующие предположения. Возможно, Юрий Львович мог шантажировать греков возможностью возобновления переговоров об унии с Римом, которые еще недавно вел его дед Даниил Галицкий. Либо же, напротив, Галицкий «король» пообещал ромеям поддержку, хотя вряд ли она могла быть хоть сколь-либо существенной: Галицко-Волынское княжество в то время находилось в состоянии глубокого кризиса и доживало последние годы своего независимого бытия.

Однако Галицкая митрополия, создание которой впервые нарушило единство Русской Церкви и создало опасный прецедент, после своего первого учреждения просуществовала недолго. Шестнадцатого декабря 1305 года во Владимире скончался митрополит Киевский и всея Руси Максим⁹. Примерно в то же время умер или отрекся от кафедры и митрополит Галицкий Нифонт¹⁰. После этого в Константинополь почти одновременно отправились для поставления на митрополию два кандидата — владими́ро-суздальский выходец игумен Геронтий и уроженец Галицко-Волынской Руси игумен Петр.

В ранней краткой редакции жития святого митрополита Петра¹¹ говорится: «*И преставльшуся Максиму митрополиту, и дрѣзну Геронтеи игуменѣ присти санѣ святительскими*». Отъезжая в Византию, игумен Геронтий якобы «*возма ризницу и рипидию, и многы иконы, и сановники, яко же подобает святителемъ*»¹². В Пространной редакции жития святителя Петра отмечалось, что самочинные действия игумена Геронтия стали известны «*по всеи земли Рускои, даже и до Вельни, еже и мнози негодавахоу*»¹³.

На самом же деле противопоставление якобы честлюбивого Геронтия праведнику Петру, скорее всего, было домыслено уже после канонизации Петра, чтобы подчеркнуть святость митрополита. В реальности никакого противо-

стояния между обоими кандидатами не было и быть не могло. Геронтий, присланный в столицу Византии великим князем Владимирским Михаилом Ярославичем Тверским, должен был стать преемником святителя Максима и занять Киевскую митрополию, тогда как Петр, прибывший в Константинополь как ставленник «короля Руси» Юрия, должен был стать преемником Нифонта на Галицкой митрополии¹⁴.

Между тем в Константинополе к тому времени уже ощутили негативные последствия разделения Русской Церкви и решили исправить допущенную ошибку. Те же самые император Андроник II и патриарх Афанасий, которые ранее возвысили Галицкую кафедру до степени митрополии, теперь вновь низвели ее до положения епископии Киевской митрополии. Решение этого вопроса заняло почти три года. Такое промедление, вероятно, было связано с колебаниями греков относительно целесообразности данного шага и сопротивлением ему со стороны Юрия Львовича. И тем не менее в 1308 году на Русь был поставлен лишь один-единственный митрополит — *«пресвященный митрополитъ Петръ Киеву и всеи Руси»*¹⁵.

Житие святителя Петра сообщает, что он был признан более достойным митрополичьего сана, чем игумен Геронтий. В реальности же произошло нечто иное: в Константинополе просто попытались найти нехитрый компромисс, который, казалось бы, должен был устроить обе стороны — и Юрия Галицкого, и Михаила Тверского. Единство Русской Церкви (с митрополичьим центром во Владимире) восстанавливалось, но возглавить ее должен был кандидат Юрия Львовича, что было призвано компенсировать обидчивому «королю» утрату Галицкой митрополии. Правда, в итоге греки перехитрили сами себя, и их решением одинаково остались недовольны как Михаил Тверской, так и Юрий Галицкий.

Согласно житию святителя Петра, он был уроженцем Вольни, его родителей звали Феодор и Евпраксия. Уже в 12-летнем возрасте будущий митрополит принял монашество в одном из монастырей Галицко-Волынского княжества. Позже он основал собственную Ратенскую Новодворскую обитель на реке Рате (иначе Рать) — притоке Западного Буга, который протекает на северо-западе нынешней Львов-

ской области Украины. От названия этой реки происходит прозвание Петра — Ратский (или Ратенский). Так святителя чаще всего сегодня именуют его земляки на нынешней Западной Украине, где из неприязни к Москве предпочитают не употреблять традиционное для Русской Церкви именование святителя Петра — Московский.

Житие отмечает, что митрополит Петр был незаурядным иконописцем. По преданию, он является автором иконы Божией Матери, которая в дальнейшем прославилась как чудотворная и получила название «Петровская».

Вскоре после своего поставления на митрополию, в том же 1308 году, святитель Петр прибыл в Киев, где, однако, не задержался долго и уже зимой 1308/09 года уехал во Владимир-на-Клязьме, который и стал его постоянной резиденцией¹⁶. Очевидно, что переезд первосвятителя во Владимир был оговорен еще в Константинополе как одно из условий его поставления на общерусскую митрополичью кафедру.

*Иван Калита.
Миниатюра
из Царского
титularника.
1672 г.*

Петровская икона Божией Матери. XIV в. В настоящее время находится в Успенском соборе Московского Кремля. Считается первой московской чудотворной иконой

В то же время после переезда митрополита Максима во Владимир именно там уже находились все управленческие структуры Русской митрополии. В любом случае приезд святителя Петра во Владимир закреплял выбор, ранее сделанный святителем Максимом, митрополитом Киевским и Владимирским. При этом вновь, как и в случае с митрополитом Кириллом II, мы видим пример того, как выходец из Западной Руси становится союзником князей Руси Северо-Восточной. В отличие от Галицко-Волинских князей, озабоченных лишь своими узкими региональными интересами, в угоду которым они были готовы пожертвовать даже Православием, митрополиты Кирилл II и Петр, будучи западнорусскими уроженцами, тем не менее выступали ревностными поборниками единства Русской Церкви и патриотами единой Руси.

По приезде во Владимир митрополит Петр сразу же начал активно заниматься делами церковного управления. Зимой 1308/09 года

Новгородскую кафедру покинул архиепископ Феоктист, «своего дела нездоровя»¹⁷. По благословению ушедшего на покой в Благовещенский монастырь архиерея в Новгороде состоялись выборы нового архиепископа, которым стал Давид. «Феоктист благослови его въ свое место», после чего нареченный архиепископ отправился во Владимир «к митрополиту ставитъся»¹⁸. Архиепископ Давид стал первым архиереем, хиротонию которого возглавил митрополит Петр. Она состоялась 5 июня 1309 года в Успенском соборе во Владимире¹⁹.

Подобно своим предшественникам — митрополитам Кириллу II и Максиму, святитель Петр, как отмечается в его древнейшем кратком житии, также регулярно объезжал епархии Русской Церкви, устраивая в них церковные дела и выступая в качестве примирителя княжеских усобиц.

Зимой 1310 года первосвятитель приехал в Брянск, бывший в то время кафедральным городом Черниговской епархии. В Брянске митрополит Петр попытался примирить местного князя Святослава Глебовича с его племянником Василием Александровичем. Годом ранее Святослав согнал Василия с Брянского престола, но племянник выступил против дяди, призвав на помощь отряд ордынцев, и в надежде вернуть себе удел вторгся в пределы Брянского княжества²⁰.

Усилия святителя Петра не допустить кровопролития успеха не принесли. Хотя митрополит советовал князю Святославу Глебовичу разделить власть с Василием Александровичем или же вообще покинуть Брянск, князь его не послушался и решил защищаться. В итоге Святослав Глебович был убит в сражении. Ордынцы взяли Брянск приступом 2 апреля 1310 года. Митрополит Петр, находившийся внутри города, едва не погиб: «Затворися тогда въ церкви, и ту сохрани его Богъ от поганыхъ»²¹. Но все же ордынцы не посмели ворваться в собор — вероятно, сыграло свою роль покровительство хана Русской Церкви и ее предстоятелю, отраженное в митрополичьем ярлыке.

Сложно складывались отношения между митрополитом Петром и Михаилом Ярославичем Тверским, который в то время был великим князем Владимирским. После приезда во Владимир митрополит встретил там довольно

прохладный прием со стороны великого князя, недовольного тем, что предстоятелем Русской Церкви стал не его ставленник Геронтий, а никому не известный в Залесской Руси чужак — галичанин Петр. К 1311 году конфликт между первосвятителем и великим князем обострился настолько, что Михаил Ярославич попытался устранить Петра с митрополичьей кафедры. Желая угодить великому князю, епископ Тверской Андрей (сын Литовского князя Герденя) стал слать в Константинополь доносы на своего митрополита, вероятно, не без умысла занять его место. Жаловался на святителя Петра и сам Михаил Тверской. Как видно из послания патриарха Константинопольского Нифонта к великому князю Михаилу Ярославичу, митрополита Петра обвиняли в симонии и благословении браков в недопустимых степенях родства²². Тогда же в Твери был создан целый трактат «Власфимия»²³, обличавший симонию, которая якобы процветала в Русской Церкви при митрополите Петре²⁴.

Наступление на святителя Петра было столь решительным, что для своего оправдания Русскому митрополиту пришлось созвать церковный Собор, который проходил в конце 1310 — начале 1311 года в Переславле-Залесском в присутствии экзарха Константинопольского патриарха. На Соборе в роли обвинителя выступил епископ Андрей Тверской, вновь заявивший, что митрополит Петр продает священнические должности и благословляет канонически недопустимые браки. Не исключено, что Андрей Тверской использовал для обвинения митрополита Петра эпизоды, когда тот действительно взимал какую-то сумму при поставлении клириков. Но речь в данном случае шла не о плате за рукоположение в священный сан, а о так называемой ставленнической пошлине, то есть возмещении издержек, которые архиерей нес в связи с хиротонией (особенно если для этого приходилось совершать дальние поездки). Такие пошлины взимались на совершенно законных основаниях — соответствующее решение принял проходивший при митрополите Кирилле II Владимирский собор 1273 года. Безосновательность обвинений в отношении митрополита Петра на Соборе была полностью доказана. Представитель патриарха признал, что

святитель Петр ни в чем не погрешил против церковных правил относительно симонии, и он был полностью оправдан²⁵.

Житие святителя Петра сообщает, что он простил епископа Андрея за клевету и оставил его во главе Тверской епархии. Это подтверждают и летописные свидетельства. В начале 1311 года ушел на покой Ростовский епископ Симеон, и митрополит Петр поставил на его место архимандрита Ярославского Спасского монастыря Прохора²⁶. В состоявшейся в марте 1311 года епископской хиротонии Прохора Ростовского, а также в рукоположении епископа Харалампия (на неназванную в летописи епархию) вместе с митрополитом Петром принимал участие и епископ Андрей Тверской²⁷. Тем не менее и в дальнейшем епископ Андрей не оставил попыток очернить своего

Церковь святителя Петра в Переславле-Залесском. XVI в.

Московский Кремль при Иване Калите (XIV в.). Аполлинарий Васнецов. 1921 г. Цветная автолитография. Государственная Третьяковская галерея

митрополита и продолжал интриговать против святителя Петра.

Большую поддержку митрополиту Петру на Соборе в Переславле-Залесском оказал принимавший в нем участие в числе других русских князей брат (а затем и преемник) Московского князя Юрия Даниловича Иван Данилович по прозвищу Калита. Михаил Тверской, несомненно, допустил в отношении святителя Петра не просто несправедливость, но и огромную политическую ошибку, которая в дальнейшем существенно повлияла на исторические судьбы Тверского и Московского княжеств, соперничавших в то время за главенство в Северо-Восточной Руси²⁸. В ситуации, когда великий князь Михаил ополчился на митрополита, святитель Петр, естественно, стал искать поддержки у других влиятельных князей и обрел ее в лице Московского княжеского дома. Михаил Тверской совершил непростительный промах: совершенно беспочвенной враждой против митрополита Петра он буквально толкнул его

в объятия своих политических соперников — московских князей, дав им уникальный шанс невероятно усилиться благодаря авторитету Русского первосвятителя. Московские Даниловичи незамедлительно воспользовались ошибкой Михаила Ярославича и стали оказывать всемерную поддержку митрополиту Петру, который оценил их дружелюбный жест и в свою очередь стал благоволить к Москве.

Митрополит Петр впервые проявил это в 1311 году, когда он «не благослови» князя Дмитрия Михайловича Грозные Очи, сына Михаила Тверского, на военный поход против Юрия Даниловича Московского, брат которого Борис Данилович занял со своей дружиной Городец. Как выморочный удел Городецкое княжество после смерти местного князя Михаила Андреевича должно было отойти великому князю Михаилу Ярославичу, однако Московский князь претендовал на него по праву более близкого родства с покойным князем Городецким, которому приходился двоюродным братом.

Дмитрий Михайлович, считаясь с волей митрополита, был вынужден через три недели распустить свои войска²⁹. При этом святителя Петра трудно было упрекнуть в том, что он своим поступком проявил политическую пристрастность, ведь он действовал как миротворец, что было традиционным для Русских митрополитов поведением. И все же в выигрыше от позиции митрополита осталась именно Москва.

Можно предположить, что острое соперничество между князьями Михаилом Тверским и Юрием Московским было следствием не одной только борьбы за главенство на Руси между Тверью и Москвой, но также было связано с проблемой русско-ордынских отношений. И позиция митрополита Петра в этом противостоянии тоже, возможно, была обусловлена не одной лишь симпатией к дружественным ему сыновьям святого князя Даниила Александровича Московского.

Из содержания адресованного великому князю Михаилу Ярославичу послания инока Тверского Отроча монастыря Акиндина³⁰, которого епископ Андрей посылал с доносом на митрополита Петра к патриарху Нифонту, можно заключить, что в Твери выступали за пересмотр заложенной Александром Невским политики подчинения Орде ради сохранения потенциала Руси в условиях невозможности скорого освобождения от иноземного ига. Обвиняя митрополита Петра в симонии, Акиндин одновременно описывал ужасы ордынского ига и обличал тех, кто выступал за сохранение лояльности Орде. Таковыми тверской инок представлял прежде всего митрополита Петра и Московских князей.

Политические симпатии святителя Петра определялись в том числе и тем, что, подобно своим предшественникам митрополитам Кириллу II и Максиму, он в полной мере разделял «проордынский» курс святого Александра Невского как единственно правильный и возможный в той трагической ситуации, которая сложилась на Руси после монгольского нашествия. Между тем если Московские князья продолжали политику своего великого родоначальника³¹, то в Твери она, напротив, подвергалась ревизии, что было крайне недальновидно и чревато новыми жестокими карательными акциями со стороны Орды, способными полностью унич-

тожить и без того разоренную Русскую землю. Митрополит Петр, судя по всему, отнюдь не разделял оптимизма Твери по поводу возможной конфронтации с Ордой, к противостоянию с которой Русь в то время еще не была готова.

В то же время, несмотря на конфликт между митрополитом и великим князем, Михаилу Тверскому и святителю Петру как светскому и духовному лидерам Руси приходилось предпринимать совместные действия в отношении Орды. Так, в 1313 году, после смерти хана Токты, предстоятель Русской Церкви и великий князь Владимирский совершили совместную поездку в ставку нового хана Узбека. Последний, хотя и пришел к власти при поддержке мусульман и объявил ислам государственной религией Орды, начав насаждать его среди своих подданных, все же продолжал проводить в отношении Русской Церкви традиционно терпимую политику, типичную для монголов со времен Чингисхана. К Русскому первосвятителю новый ордынский правитель отнесся вполне благосклонно: «*Милостью же Божьею Петръ митрополитъ отпущенъ бысть на Русь вборзе*»³². Позднее, в 1315 году, хан Узбек, подобно своим предшественникам, выдал митрополиту Петру ярлык, который подтверждал налоговый иммунитет Русской Церкви и освобождал подвластных митрополиту лиц от княжеского суда³³.

С выдачей нового ханского ярлыка положение святителя Петра существенно укрепилось. Епископу Андрею Тверскому в таких условиях интриговать против митрополита уже было нелегко. Вероятно, с этим обстоятельством можно связать оставление им Тверской кафедры 28 марта 1316 года³⁴. Более года Тверская епископская кафедра оставалась вакантной: судя по всему, митрополит Петр и великий князь Михаил Ярославич долго не могли прийти к единому мнению относительно кандидатуры нового владыки. Лишь в начале 1317 года святитель Петр поставил во главе Тверской епархии епископа Варсонофия³⁵.

Несколько ранее, в 1312 году, митрополит Петр лишил сана и сместил с Сарайской кафедры епископа Измаила³⁶. Скорее всего, причиной этого стал затеянный Измаилом спор о юрисдикционном подчинении населения Червленого Яра — области на русско-ордынском пограничье в бассейне реки

Великий князь
Георгий Данилович.
Фреска
Архангельского
собора
Московского
Кремля

Великая Ворона, к юго-востоку от Рязанского княжества. Традиционно она относилась к Рязанской епархии. О попытках епископа Измаила покуситься на территорию Рязанского собрата-архиерея говорится в грамоте второй трети XIV века: «*Занеже многажды речи и мятеж был промежи двема владыкама, рязаньским и сарайским, про предел тѣ*»³⁷. Вместо низложенного Измаила митрополит Петр поставил на Сарайскую кафедру епископа Варсонофия³⁸.

Однако наиболее сложная ситуация в период митрополичьего служения святителя Петра складывалась в церковной жизни западнорусских земель, значительная часть которых к началу XIV века оказалась под властью Литвы. В 1316 году Литовское государство объединил под своей властью великий князь Гедимин, при котором экспансия Литвы на западнорусские земли значительно расширилась. Вскоре даже в волыньском Луцке потомков Даниила Галицкого сменил сын Гедимины — Любарт, крестившийся в Православие с именем Димитрий. В создавшихся условиях население Западной Руси часто предпочитало признать над собой

власть Литовских князей в надежде избавиться от ига Орды. Тем более что скоро держава Гедимины стала состоять по большей части из русских земель и говорить на древнерусском языке, который надолго приобрел в Великом княжестве Литовском статус государственного. Литовское государство со временем все более усваивало государственно-политические и культурные традиции Руси. Подобно Великому княжеству Владимирскому на северо-востоке Руси, Великое княжество Литовское, вобрав в себя западнорусские земли, со временем стало претендовать на роль объединителя всей Руси. С выходом Литовского государства на историческую арену геополитическая ситуация в Восточной Европе полностью изменилась. Русь Литовская и Русь Владимирская (вскоре ставшая Московской) вступили в острейшее соперничество за наследие погибшей Руси Киевской.

Большинство подданных великого князя Литовского составляли русские люди, поэтому Православие стало играть в жизни Литовского государства исключительно важную роль. Многие знатные литовские семьи стали переходить из язычества в Православие. Православная вера пришла и в великокняжескую семью — сначала в качестве вероисповедания великих княгинь. Так, великий князь Гедимин, хотя и оставался язычником до конца жизни, был женат на русской княжне Ольге Полоцкой. Их сын Ольгерд был последовательно женат также на православных русских княжнах Марии Витебской и Иулиании Тверской. Но усиление роли Православной Церкви в Литовском княжестве привело к тому, что его правители стали стремиться к обособлению своих православных подданных от единовременного населения Северо-Восточной Руси и отделению их от юрисдикции митрополитов Киевских.

Гедимин, будучи язычником, тем не менее хорошо понимал, какую политическую выгоду может принести ему учреждение отдельной Литовской митрополии, независимой от Киевской, возглавляемой святителем Петром. Созданный ранее прецедент с учреждением Галицкой митрополии подсказывал великому князю Литовскому, в каком направлении следует действовать. Около 1317 года по настоянию Гедимины Константинопольский патриарх Иоанн XIII Глика учредил отдельную

Литовскую митрополию с кафедрой в Новгороде Литовском (ныне Новогрудок)³⁹. В ее состав вошли Полоцкая и Туровская епископии, расположенные на землях, присоединенных Гедимином к Великому княжеству Литовскому⁴⁰. Первым митрополитом Литовским стал Феофил, возможно, грек по происхождению. Сразу же после своего поставления Феофил принял участие в заседании Синода в Константинополе, под решениями которого поставил свою подпись в качестве полноправного митрополита Литовского⁴¹.

Казалось бы, в Константинополе недавно пришли к выводу о нецелесообразности существования самостоятельной Галицкой митрополии и упразднили ее, но тем не менее в угоду Гедимину вновь решили нарушить целостность Русской Церкви. Судя по всему, при дворе императора Андроника II Палеолога сочли, что все более клонящейся к упадку Империи ромеев не резон ссориться с могущественным Литовским государем. Да и литовское серебро, вероятно, тоже поспособствовало принятию решения об учреждении новой митрополии: уровень коррупции в Константинопольской патриархии в продолжение XIV века неуклонно возрастал, и это все чаще стало оказывать влияние на решение тех или иных важных вопросов.

Тем не менее новообразованная Литовская митрополия, как и Галицкая, просуществовала недолго. Уже преемнику святителя Петра на Киевской митрополичьей кафедре митрополиту Феогносту удалось добиться ее упразднения. Но все же тенденция к дальнейшему дроблению Русской Церкви все более нарастала, и на Руси постепенно стали привыкать к мысли о возможности сосуществования на ее территории нескольких независимых друг от друга митрополий.

Разделение Киевской митрополии было далеко не единственной проблемой в церковной жизни западнорусских земель в период митрополичьего служения Петра. В это же время папский Рим предпринял новые попытки обратить в католицизм население Западной Руси, используя кризисное состояние Галицко-Волынского княжества и литовскую экспансию на западнорусские земли. В 1317 году папа Иоанн XXII предложил великому князю Литовскому Гедимину и Галицко-Волынским князьям

Льву II и Андрею Юрьевичам⁴² подчиниться Римской Церкви⁴³. Гедимин на папское послание не ответил. О реакции галицко-волыньских князей на предложение понтифика также ничего не известно. Скорее всего, потомкам Даниила Галицкого в то время было не до контактов с Римом: их династия стремительно угасала, а государство доживало последние годы.

В 1323–1325 годах в Галицко-Волыньском княжестве правил сын Льва II Владимир Львович, с кончиной которого пресеклась прямая ветвь потомков Даниила Галицкого. Около 1325 года на престол взшел последний Галицко-Волыньский князь Болеслав-Юрий II, сын польского князя Тройдена Мазовецкого, который по матери — княгине Марии Юрьевне, правнучке Даниила Романовича Галицкого, был ближайшим родственником угасшей династии. Чтобы стать Галицким князем, Болеслав перешел из католичества в Православие и принял имя Юрий. Однако религиозные симпатии нового князя по-прежнему были на стороне Рима: в его правление в западнорусские земли прибыло много католического духовенства и монахов, к которым Болеслав-Юрий продолжал благоволить⁴⁴.

В крайне тяжелом положении находились земли центральной части Руси, прежде всего Киевская земля, они сильно запустели после Батыева нашествия. Во время митрополита Петра эти области не подчинялись ни князьям Галицко-Волыньской Руси, ни правителям Великого княжества Литовского, в состав которого эта территория вошла лишь к середине XIV века⁴⁵. Пользуясь этим, а также переездом митрополитов Киевских во Владимир, папа Иоанн XXII около 1318–1320 годов учредил в Киеве епископскую кафедру латинского обряда. Сохранились две буллы, которые Иоанн XXII в 1320–1321 годах направил первому Киевскому римско-католическому епископу Генриху⁴⁶. Своим вероломным шагом Папа Римский наглядно продемонстрировал, что Католическая Церковь смотрит на православное население Руси как на «схизматиков» (раскольников), а ее церковную организацию во главе с православным митрополитом считает неканоническим образованием.

Диоцезы Католической Церкви в это же время были созданы и в Орде, где еще с XIII века

*Рака с мощами
святителя Петра.
Успенский собор
Московского
Кремля*

действовали миссии монахов доминиканцев и францисканцев. В 1315 году с разрешения хана Узбека латинская епископская кафедра была учреждена в столице Орды Сарае, ее первым епископом стал францисканец Стефан. В 1318 году Узбек также позволил основать архиепископскую кафедру в крымской Кафе, где находилась Генуэзская колония. Первым архиепископом Кафы стал итальянский францисканец Джироламо. Позднее, к 1333 году, в Крыму были основаны еще две римско-католические епископские кафедры — в Херсонесе, где епископом был поставлен англичанин Ричард, и генуэзском Воспоро, ее возглавил итальянец Франческо да Камерино⁴⁷.

Между тем и в Северо-Восточной Руси было очень неспокойно — там вновь обострилось противостояние между князьями Михаилом Ярославичем Тверским и Юрием Данилови-

чем Московским. Хан Узбек не торопился подтвердить права Михаила Тверского на великое княжение. Михаил Ярославич был надолго задержан Узбеком в Орде, что стало для Юрия Московского поводом возобновить борьбу с Тверским князем. Юрий начал ее с того, что в 1314–1315 годах утвердил свою власть в Великом Новгороде, изгнав оттуда наместников Михаила. После этого Узбек вызвал Московского князя в Орду. В конце концов Узбек все же утвердил на великом княжении Михаила Тверского, под власть которого был возвращен Новгород⁴⁸.

Однако все изменилось в 1317 году: «удачно» овдовевший к тому времени Юрий Данилович, находясь в Орде, снискал расположение хана Узбека и получил в жены его сестру Кончаку⁴⁹. Ханская сестра была крещена в Православие с именем Агафия. Юрий Данилович наконец-то добился своего: став зятем самого ордынского хана, он получил ярлык на великое княжение и отправился на Русь вместе с ханским послом Кавгадыем, который должен был утвердить его на Владимирском престоле. Михаил Тверской не стал этому противиться, он признал старшинство за Юрием и уехал в родную Тверь⁵⁰.

Юрий Данилович, однако, не удержался от мести поверженному сопернику. В конце 1317 года совместно с монгольским отрядом Кавгадыя и союзными князьями Юрий стал разорять владения Михаила Ярославича. Тверской князь решил дать отпор, и 22 декабря 1317 года под селом Бортенево состоялось сражение, в котором дружина Михаила Тверского разбила войско Юрия Московского. Юрий бежал в Новгород, его жена Агафия и брат Борис попали в плен к Тверскому князю⁵¹.

Михаил Ярославич не хотел обострять ситуацию до крайности. Демонстрируя свою лояльность хану, он с почетом отпустил Кавгадыя в Орду⁵². Однако, к несчастью для Тверского князя, у него в плену скончалась великая княгиня Кончака-Агафия. Возник слух о том, что сестра хана якобы была отравлена⁵³. Его абсурдность была очевидна: Михаил Тверской не мог не понимать, что подобное убийство будет чревато неизбежной расплатой перед ханом, да и никакого смысла в нем не было. Однако Юрий Московский попытался извлечь из смерти сво-

ей джучидской жены максимум политической выгоды.

В 1318 году Юрий Данилович направился в Орду, куда по приказу хана приехал и Михаил Тверской. Имея возможность бежать, Михаил, однако, не воспользовался этим шансом, так как понимал, что в таком случае Тверское княжество и все его поданные подвергнутся карательному погрому за его мнимый грех. Так что Михаил фактически ехал на верную гибель. Как и следовало ожидать, в Орде Михаилу Ярославичу с подачи Юрия Даниловича предъявили многочисленные и крайне тяжелые обвинения: в убийстве Агафии-Кончаки, невыплате дани хану, сопротивлении ордынскому послу и т. д. Двадцать второго ноября 1318 года по приказу Узбека Михаил Тверской был казнен, окончив свою жизнь как подлинный мученик и герой⁵⁴.

Однако даже после гибели Михаила Тверского Юрий Московский продолжал его преследовать: он выпросил у Узбека тело казненного князя и отправил его в Москву, где его, впрочем, похоронили с надлежащим почетом в кремлевском соборе Спаса на Бору⁵⁵. Князь Юрий также оставил при себе в заложниках сына Михаила Тверского — юного князя Константина Михайловича, который ранее сопровождал отца в его последней поездке в Орду. Тогда посредником в переговорах между Москвой и Тверью выступил епископ Ростовский и Ярославский Прохор. В итоге Юрий Данилович заключил мир с наследниками Михаила Ярославича и вернул его останки в Тверь. Шестого сентября 1319 года тело Михаила Тверского торжественно перезахоронили в Спасском соборе — главном храме Твери⁵⁶. Примирение между Москвой и Тверью было скреплено браком между дочерью Юрия княжной Софией и сыном Михаила Тверского Константином, который получил в удел город Дорогобуж.

Этот мир продлился недолго. В 1321 году Юрий Данилович вновь выступил походом на Тверь. Сыновья Михаила Тверского выплатили ему деньги, затребованные для передачи в Орду в качестве дани. Старший сын Михаила Ярославича Дмитрий Грозные Очи пообещал Юрию, что не будет помогать в Орде великого княжения. Но вскоре выяснилось, что Юрий Данилович ушел с собранной для хана данью не в Орду, а в Новгород. Тогда Дмитрий Михайло-

вич направился к Узбеку и обвинил Юрия в утаивании дани. Чтобы проверить справедливость обвинений в адрес Юрия, хан отправил на Русь своего посла Ахмыла во главе ордынского отряда, который попутно вновь пограбил русские земли. Юрий пошел из Новгорода навстречу Ахмылу, чтобы оправдаться в возводимых на него обвинениях, но попал в засаду, устроенную ему другим сыном Михаила Тверского — Александром, которому в итоге и достались деньги, бывшие предметом разбирательства. Юрий бежал в Псков, оттуда в Новгород и по этой причине так и не смог дать Ахмылу объяснений⁵⁷.

Осенью 1322 года хан Узбек, которого теперь, после смерти Кончаки-Агафии, уже не связывали родственные узы с Юрием Московским, передал ярлык на великое княжение Дмитрию Михайловичу Тверскому⁵⁸. Тем не менее Юрий Данилович проявил непокорность

Посох святителя Петра. Успенский собор Московского Кремля

и продолжал считать себя великим князем — вопреки ханской воле. В 1324 году Московский князь поехал в Орду в надежде оправдаться перед Узбеком и вернуть себе великое княжение. Около года он пробыл при ханском дворе. Но Узбек не торопился возратить ему свое благоволение, хотя и не признавал Юрия виновным.

Узнав о приезде Юрия Московского в Орду, в ханскую ставку также прибыли сыновья Михаила Тверского — Дмитрий и Александр. Поскольку Узбек так и не наказал Юрия Даниловича, великий князь Дмитрий Михайлович 21 ноября 1325 года в порыве гнева лично убил Московского князя, мстя за гибель отца. Пятнадцатого сентября 1326 года после долгого судебного расследования Узбек приказал казнить великого князя Дмитрия как дерзнувшего распорядиться судьбой Юрия без ханского повеления⁵⁹.

В продолжение этой драматической распри между Тверским и Московским княжескими домами митрополит Петр старался держаться в стороне. Его личные симпатии к Юрию Московскому не могли перевесить в нем долга предстоятеля Русской Церкви, обязанного находиться вне политической борьбы. Показательно, что после того, как Дмитрий Михайлович получил ярлык на великое княжение, митрополит обратился к нему с поучением⁶⁰. В нем святитель Петр объяснял бедствия, постигшие Тверское княжество, наказанием Божиим за междоусобицы. Неприятие митрополита вызвала агрессивная линия поведения, избранная Дмитрием Михайловичем, а отнюдь не позиция его отца Михаила Ярославича Тверского, которого святитель, призывая Дмитрия к страху Божию, напротив, приводил ему в пример⁶¹. Как видно, святитель Петр по сути предвидел, к какому страшному результату приведет Дмитрия его гневливый характер.

Митрополит Петр позволил себе проявить личную привязанность к Московскому княжескому дому лишь тогда, когда вражда между Дмитрием Тверским и Юрием Московским завершилась гибелью последнего. Тело Юрия Даниловича было привезено в Москву, где 8 февраля 1326 года состоялось его погребение в Архангельском соборе Кремля. Митрополит Петр не просто возглавил отпевание почившего князя, но совершил его соборно, с невидан-

ным размахом: в погребении Юрия Даниловича приняли участие почти все архиереи Северо-Восточной Руси, которые к тому времени собрались в Москве по призыву первосвященника для участия в хиротонии нового архиепископа Новгородского Моисея. В отпевании Юрия принял участие даже епископ Тверской Варсонофий, ранее погребавший в Твери князя Михаила⁶².

Юрия Даниловича на Московском княжении сменил его младший брат Иван Данилович Калита⁶³. С ним у святителя Петра давно сложились самые дружественные отношения, чему, вероятно, способствовали благочестие и щедрость Московского князя, который, по преданию, прозвище Калита⁶⁴ получил за свое нищелюбие: князь носил кошелек-калиту, чтобы в любой момент подать милостыню. Правда, недоброжелатели утверждали, что причиной прозвища на самом деле якобы явилось скопидомство Московского князя — стремление собрать со всей Руси как можно больше денег, прибрать к рукам больше земель. Вероятно, в какой-то мере это тоже справедливо. Только князя Ивана Даниловича скорее отличала не скупость как порок, а бережливость ради накопления сил Московского княжества, возрастания мощи Руси, что в конечном счете открывало перспективу освобождения от ордынского ига.

Иван Калита не просто приумножал свое Московское княжество, но закладывал основу будущей единой Русской державы. И митрополит Петр как никто другой понимал его, хотя Московский князь, случалось, ради этой великой цели употреблял весьма суровые средства: ходил войной на других князей, разорял их земли, выколачивал (часто в буквальном смысле) из подданных недоимки, чтобы в срок выплатить ордынскую дань и тем самым не дать повода для новых карательных походов на Русь. Увы, такова была та жестокая эпоха, в которой зачастую, чтобы сотворить нечто доброе, в реальности приходилось выбирать наименьшее из множества зол.

В последние годы своей жизни митрополит Петр большую часть времени проводил в Москве — здесь ему было гораздо спокойнее, чем во Владимире, где его встречал не самый дружелюбный прием со стороны сначала великого князя Михаила Тверского, а позже его сыновей Дмитрия и Александра Михайловичей, после

гибели отца также поочередно занимавших великокняжеский престол. Русь постепенно привыкала к тому, что Москва наряду с Киевом и Владимиром также становилась местом пребывания митрополита, новым церковным центром Руси, хотя об официальном переносе митрополии в Москву речь пока еще не шла.

В 1326 году митрополит Петр ощутил, что дни его сочтены. Согласно сообщению «Степенной книги царского родословия», Иван Калита, проезжая весной 1326 года по берегу Неглинной, увидел гору, покрытую снегом, который неожиданно растаял у него на глазах. Московский князь увидел в этом знамение свыше и обратился к митрополиту Петру с просьбой истолковать его. Святитель объяснил видение так: гора — это сам князь Иван, а снег — это Петр, которому скоро суждено умереть⁶⁵. После кончины митрополита Петра и его последующей канонизации Иван Калита построил на том самом месте, где ему было видение, храм в честь святителя Петра, при котором был устроен мужской монастырь, получивший название Высоко-Петровского.

Перед своей кончиной святитель Петр совершил поступок, который стал его последним даром столь любимой им Москве и ее князю. Митрополит объявил о своей воле быть погребенным не в Киеве или Владимире, а именно в Москве. Это был глубоко символический жест: перебравшийся во Владимир митрополит Максим был там и похоронен, так что погребение митрополита Петра в Москве стало бы серьезной заявкой на то, чтобы этот город стал новым местопребыванием предстоятеля Русской Церкви. Так оно в дальнейшем и получилось: мощи святителя Петра как бы освятили будущую церковную столицу Руси и стали благословением Москве на то, чтобы стать новым центром русской государственности.

Четвертого августа 1326 года митрополит Петр освятил закладной камень, положенный в основание каменного Успенского собора в Московском Кремле, а заодно приготовил себе место для будущего погребения — в алтаре строящегося храма, близ жертвенника: *«Тогда же ту заложил и гробъ себе своими руками Петр митрополитъ близ святого жрѣтвенника во стене»*⁶⁶. Присутствие на этой церемонии Ивана Калиты свидетельствует о том, что

митрополит и князь проявляли полное единомыслие, начиная строительство, выглядевшее в глазах современников почти безумием.

Строительство в Москве Успенского храма из белого камня уже само по себе было событием из ряда вон выходящим, так как после Батыева нашествия на разоренной Руси практически прекратилось каменное строительство. Но гораздо более поражало другое — храм был заложен на исходе строительного сезона. Между тем в то время любую стройку на Руси начинали по весне, чтобы успеть сделать как можно больше за короткий строительный сезон, прежде чем его прервут сентябрьские дожди. Дата закладки московского собора говорит о том, что святитель Петр очень торопился реализовать свой замысел до своей кончины.

Саккос
митрополита
Петра. 1322 г.

Высоко-Петровский монастырь в Москве

Святитель Петр скончался в Москве 20 декабря 1326 года. Его предсмертная воля была исполнена: он был похоронен в еще недостроенной *«церкви святых Богородица, юже самъ поча здати»*⁶⁷. На похоронах митрополита присутствовал князь Иван Калита. Погребение святителя Петра возглавил его земляк епископ Луцкий Феодосий, из чего следует, что в это время отдельной Галицкой митрополии не существовало и епархии Западной Руси подчинялись митрополиту Петру. По словам летописца, в погребении святителя участвовал *«весь чинъ священскый и въси Московъстии народи»*⁶⁸.

Четвертого августа 1327 года состоялось освящение заложенного святителем Петром Успенского собора. Ввиду отсутствия митрополита чин освящения храма возглавил епископ Ростовский и Ярославский Прохор⁶⁹, приурочивший к этому событию написанную им первую Краткую редакцию жития святителя Петра⁷⁰. Ее столь раннее появление не случайно: местное почитание святителя Петра началось сразу после его кончины, чему способствовало то, что уже в день погребения митрополита, согласно сообщению летописей, у его мощей свершилось первое чудо: *«прости трие чловеци болящи»*⁷¹.

Вскоре последовали и многочисленные другие случаи исцелений от гроба митрополита Петра, который с этого времени стал обретать славу Московского чудотворца⁷². Всего через год после кончины святителя Петра на Владимирском Соборе 1327 года Ростовский епископ Прохор зачитал составленный по инициативе князя Ивана Калиты список многочисленных посмертных чудес, совершенных по молитвам почившего митрополита⁷³. В 1339 году Константинопольская патриархия официально причислила Русского первосвятителя к лику святых⁷⁴. Исключительно короткий срок, отделяющий время кончины митрополита Петра от момента его прославления в лике святых, является рекордным для средневекового периода русской церковной истории.

Мощи святителя Петра были обретены 1 июля 1472 года при начале строительства нового Успенского собора в Московском Кремле на месте снесенного за ветхостью храма XIV века, заложенного самим первосвятителем. Двадцать четвертого августа 1479 года после освящения собора мощи святителя Петра были перенесены в новый храм и с этого времени покоятся в его алтарной части, где также сохранено место первоначальной гробницы митрополита. Древняя рака, в которой находились мощи святителя

Петра, погибла при разорении кремлевских соборов солдатами Наполеона в 1812 году. По распоряжению императора Александра I вместо нее по окончании войны была изготовлена новая серебряная рака с сенью над ней, в которой великий первосвятитель покоится и в настоящее время.

В Оружейной палате Московского Кремля сохраняются поступившие из Патриаршей ризницы саккос и епитрахиль, в которых, согласно преданию, совершал богослужения святитель митрополит Петр. В Музеях Кремля хранится и реликвия, ставшая символом Первосвятительского служения в Русской Церкви, — посох

святителя Петра (сегодня его можно увидеть в Успенском соборе Московского Кремля). В дальнейшем именно он вручался при интронизации всем преемникам святителя Петра на Русской митрополии, а затем и на Московском Патриаршестве — как символ верховной власти над Русской Церковью. Эта прекратившаяся в советский период традиция была возобновлена при интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в 2009 году.

В. И. ПЕТРУШКО,
доктор церковной истории,
профессор ПСТГУ

- ¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. М., 1997. Стб. 485.
- ² ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 392.
- ³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 528.
- ⁴ ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 827.
- ⁵ Княжил примерно в 1301–1308/16 годах.
- ⁶ Назаренко А. В., Флоря Б. Н., Турилов А. А. Галицкая епархия // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 322–328.
- ⁷ Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 6: Памятники древнерусского канонического права (ПДРКП). Ч. 1. СПб., 1908. Прил. № 22. Стб. 125–128.
- ⁸ РИБ. Т. 6. Ч. 1. Прил. № 3. Стб. 13–20.
- ⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 393.
- ¹⁰ Тихомиров Н. Д. Галицкая митрополия: Церковно-историческое исследование. СПб., 1896. С. 51–52.
- ¹¹ Краткая редакция жития св. митрополита Петра была написана вскоре после его кончины, скорее всего, епископом Ростовским Прохором (текст см.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. М., 2001. С. 27–31). Вторая, пространная редакция была создана в конце XIV века митрополитом Киевским и всея Руси Киприаном (текст см.: Там же. С. 35–47).
- ¹² Там же. С. 28.
- ¹³ Там же. С. 39.
- ¹⁴ Об этом упоминается в грамоте, посланной в 1370 году по приказу польского короля Казимира III Великого в Константинополь к патриарху Филофею (РИБ. Т. 6. Ч. 1. Прил. № 22. Стб. 125–128).
- ¹⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 159.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Новгородская первая летопись (НПЛ). Т. 3. М.; Л., 1950. С. 92.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 159.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. 17. СПб., 1907. Стб. 28; Т. 25. С. 159.
- ²¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 159.
- ²² РИБ. Т. 6. Ч. 1. № 16/1. Стб. 147–150.
- ²³ В переводе с греческого: богохульство, кощунство.
- ²⁴ Частично опубликовано: РИБ. Т. 6. Ч. 1. № 16/II. Стб. 147–158 (послания патриарха Нифонта и инока Акиндина великому князю Михаилу Ярославичу); Тихонравов Н. С. Летописи русской литературы и древности. Т. 4. М., 1862. С. 105–112; Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 301–309 (Слово о лживых учителях).
- ²⁵ Кучкин В. А. Сказание о смерти митрополита Петра // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 18. М.; Л., 1962. С. 59–79; Сахаров А. М. Церковь в период феодальной раздробленности // Христианство и Русь: сборник статей / общ. ред. А. Белова. М., 1988. С. 47–67.
- ²⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 159.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Ч. 1. Стб. 36.
- ²⁸ См.: Борисов Н. С. Политика Московских князей (конец XIII — первая половина XIV в.). М., 1999; Горский А. А. Москва и Орда. М., 2003.
- ²⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 159.
- ³⁰ РИБ. Т. 6. Ч. 1. № 16/II. Стб. 150–158.
- ³¹ Московские князья происходили от младшего сына святого Александра Невского — святого князя Даниила, тогда как Тверские князья являлись потомками брата великого князя Александра — Ярослава Ярославича.
- ³² ПСРЛ. Т. 25. С. 160.
- ³³ Подлинник документа не дошел до наших дней. Сохранившийся текст так называемого Ярлыка хана Узбека митрополиту Петру не признается исследователями подлинным документом. Вероятно, он был сфабрикован в более позднее время в связи с утратой подлинника (см.: Соколов П. П. Подложный ярлык хана Узбека митрополиту Петру // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 70–85).
- ³⁴ ПСРЛ. Т. 15. Ч. 1. Стб. 36.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 160.
- ³⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964. № 312. С. 341.
- ³⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 160.
- ³⁹ РИБ. Т. 6. Ч. 1. Прил. № 3. Стб. 16.
- ⁴⁰ Лавлов А. С. О начале Галицкой и Литовской митрополии и о первых тамошних митрополитах по византийским документальным источникам XIV ст. // Русское обозрение. 1894. Кн. 5 (май). С. 236–241; Шапов Я. Н. Туровские уставы XIV в. о десятине // Археологический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 255.
- ⁴¹ Miklosich M., Müller L. Acta patriarchatus Constantinopolitani. Wien, 1975. P. 72.
- ⁴² Лев и Андрей Юрьевичи правили в Галицком и Волыньском княжествах соответственно с 1308 по 1323 год.
- ⁴³ Preussisches Urkundenbuch / Hrsg. R. Philippi. Bd. 2. Königsberg, 1939. № 174; Documenta pontificum romanorum historiam Ucrainae illustrantia, 1075–1953. Vol. 1. Roma, 1953. № 36.
- ⁴⁴ Подробнее см.: Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси: сборник материалов и исследований. СПб., 1907.
- ⁴⁵ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 396. Прим. 225.
- ⁴⁶ Theiner A. Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia (Vetera documenta Poloniae et Lituaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia maximam partem nondum edita ex tabulariis Vaticanis deprompta, collecta ac serie chronologica disposita ab Augustino Theiner). Vol. 1. Romae, 1860. № 252, 255.
- ⁴⁷ Потехина И. П., Дунаев А. Л., Кузьмин А. В. Иоанн XXII // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 561–567.
- ⁴⁸ См. подробнее: Горский А. А. Москва и Орда. С. 42–59.
- ⁴⁹ Юрий Данилович к этому времени овдовел и получил возможность заключить повторный брак.
- ⁵⁰ ПСРЛ. Т. 15. Ч. 1. Стб. 37.
- ⁵¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 161.
- ⁵² ПСРЛ. Т. 15. Ч. 1. Стб. 38.
- ⁵³ ПСРЛ. Т. 25. С. 161.
- ⁵⁴ ПСРЛ. Т. 15. Ч. 1. Стб. 39–40. После мученической кончины князя Михаила Тверского его стали местно почитать в Твери. Общерусская канонизация князя состоялась в 1549 году (подробнее см.: Борисов Н. С. Михаил Тверской. М., 2017).
- ⁵⁵ ПСРЛ. Т. 15. Ч. 1. Стб. 40.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. Стб. 41–42 (подробнее см.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 42–59).
- ⁵⁸ Там же. Стб. 42.
- ⁵⁹ ПСРЛ. Т. 15. Ч. 1. Стб. 42; Т. 18. СПб., 1913. С. 90; Т. 25. С. 161.
- ⁶⁰ «Поучение Петра, митрополита всея Руси, князю Дмитрию, и к матери его, и братьям его, и к епископу, и к боярам, к старым и к молодым» сохранилось в составе текстов списков старшей редакции Новгородской IV летописи, летописи Дубровского и сборнике XVII века (РГБ. Виф. № 34. Л. 63).
- ⁶¹ Конявская Е. Л., Э. П. И. Димитрий Михайлович // Православная энциклопедия. Т. 15. М., 2007. С. 149–152.
- ⁶² НПЛ. Т. 3. С. 97; ПСРЛ. Т. 25. С. 167.
- ⁶³ Подробнее см.: Борисов Н. С. Иван Калита. М., 1995.
- ⁶⁴ То есть поясная сумка или кошель для монет.
- ⁶⁵ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908. С. 317.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 168.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Кучкин В. А. Сказание о смерти митрополита Петра. С. 59–79; Прохоров Г. М. Житие митрополита Петра // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 163–166.
- ⁷¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 168.
- ⁷² Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 2. С. 30–31.
- ⁷³ Там же. С. 31.
- ⁷⁴ Кучкин В. А. Сказание о смерти митрополита Петра. С. 59–79.